

DOI: 10.15372/HSS20210205
УДК 398(=512.3)

А.А. БАДМАЕВ

ОБРАЗ ЛИСИЦЫ В ТРАДИЦИОННЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ БУРЯТ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Статья посвящена выявлению и характеристике комплекса народных представлений бурят о лисице. Исследование опирается на этнографические, фольклорные, лингвистические источники, а также на полевые материалы автора. Основное внимание в исследовании уделяется структурно-семиотическому методу, предполагающему определение символики лисицы. Благодаря проведенному анализу удалось констатировать, что в традиционных воззрениях бурят образ лисицы имел женское начало. Кроме того, это животное наделялось продуцирующей символикой, так как связывалось с огненной стихией. Лисица также ассоциировалась с различными небесными явлениями и имела солнечную символику. Однако в ее образе доминировала хтоническая природа, что выражалось, в частности, в идее о лисице как проводнике в потусторонний мир. Этим обусловлено инкорпорирование ее в шаманские обряды в роли духа-помощника черного шамана. Исследование показало, что в прошлом у части предбайкальских бурят имело место почитание лисицы. Выяснилось, что некоторые традиционные суждения бурят о лисице находят параллели в мировоззрении других народов.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, лисица, фольклор.

A.A. BADMAEV

THE FOX IMAGE IN TRADITIONAL MYTHOLOGICAL VIEWS OF BURYATS

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to identifying and characterizing the complex of Buryat popular views on the fox. The research is based on a variety of sources including written (ethnographic, folklore, linguistic) ones, as well as field materials. The main research tool is the structural-semiotic method, which involves establishing the fox symbolism. The study allows stating that the fox had a feminine origin in the traditional views of Buryats. Besides, this wild animal was endowed with producing symbols. It was associated with the fire element. The fox was associated with various celestial phenomena, and carried solar symbols. However, the fox image is dominated by the chthonic nature, which, in particular, is expressed in the idea of the fox as guides to the other world. This is due to its incorporation into shamanic rites as a spirit helper and black Shaman's attribute. The study shows that a part of the pre-Baikal Buryats had the fox veneration in the past. It is found that some traditional Buryat judgments about the fox have parallels in the worldview of other peoples.

Key words: Buryats, traditional worldview, shamanism, fox, folklore.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из распространенных зооморфных образов в традиционном мировоззрении у разных народов мира является лисица. Как правило, ее образ семан-

тически насыщен, она зачастую выступает тотемом, включается в языковую и обрядовую системы, с ней связываются магия, демонология и т.п. В бурятской культуре данное животное, имеющее важное утили-

* Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. «Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений», проект № 0329-2018-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Андрей Андреевич Бадмаев – д-р. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: badmaevaa@ngs.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Andrew A. Badmaev – Doctor of History, Senior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

тарное значение, наделялось определенным семиотическим статусом. Образ лисицы еще не получил должного освещения в работах бурятских этнографов. Цель настоящего исследования заключается в выявлении комплекса традиционных воззрений бурят о лисице. В соответствии с поставленной целью автором статьи решались следующие задачи: дать общую характеристику образа лисицы в культуре бурят; выделить комплекс традиционных суждений бурят об этом животном. В качестве источников привлекались этнографические, фольклорные, лингвистические и полевые материалы. Особое место среди них принадлежит этнографо-фольклорным данным, полученным Ш.Л. Базаровым, Т.А. Бертагаевым, Г.-Д. Нацовым, М.Н. Хангаловым, Н.О. Шаракшиновой.

В исследовании применяется структурно-семиотический метод, предполагающий установление символики лисицы.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА ЛИСИЦЫ В КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Юго-Восточная Сибирь является ареалом двух видов лисицы: обыкновенной, рыжей, которая представлена подвидом забайкальской обыкновенной лисицы (*Vulpes vulpes daurica*); а также корсаком (*Vulpes corsac*). Обыкновенная лисица заселяет как лесостепную, так и степную зоны региона, а корсак обитает в сухих степях Забайкалья.

Лисица была традиционным объектом пушного промысла у бурят, ее мех высоко ценился, но уступал по значимости соболиному. Лисий мех использовался при изготовлении головных уборов, верхней одежды, служил предметом торговли. Буряты хорошо изучили повадки и другие особенности лисицы.

В бурятской лексике имеются следующие названия данного животного: *араата*; *унэгэн*. Первая номинация лисы – *араата* ‘букв. с клыком’ – указывает на ее принадлежность к хищникам – *араатан* ‘хищники (кlyкастые)’ [1, с. 74]. Получается, что, по представлениям бурят, основным морфологическим признаком хищников являлось наличие у них клыков (*араан* ‘коренной зуб, клык’ [1, с. 74]). Кроме того, заслуживает внимания факт производности наименования данного биологического отряда от названия лисы. Она входила в более широкую общность – *араатан һабартан* ‘букв. кlyкастые и когтистые’, которая позиционировала зверей с определяющей чертой – обладанием кlyками и когтями. Между тем еще одним биологическим признаком данного зверя является длинный пушистый хвост, по его наличию лису относили к группе *һуултэн* ‘хвостатые’, объединявшей зверей и птиц.

Буряты различали лис в зависимости от окраса меха: *шара араата* – ‘букв. рыжая лисица, корсак’;

хүхэ араата – ‘букв. синяя лисица, корсак’; *шара араата* – ‘лиса-огневка, обыкновенная лисица’; *хара араата* – ‘букв. черная лисица, черно-бурая обыкновенная лисица’. С лексемой *унэгэн* выделяют следующие названия лисицы: *шара унэгэн* ‘рыжая лиса, обыкновенная лисица’; *халтар хара унэгэн* – ‘букв. с рыжими полосами на ногах и морде черная лиса, черно-бурая обыкновенная лисица’; *галта хара унэгэн* – ‘букв. огненно-черная лиса, черно-бурая обыкновенная лисица’; *хара хушуутай унэгэн* – ‘букв. черно-мордая лисица’ [2, с. 345, 477].

Буряты не употребляли в пищу мясо лисицы [3, с. 256], поскольку она причислялась к «нечистым» существам.

Вероятно, буряты признавали биологическое родство лисицы с домашней собакой, это можно видеть на примере иносказания, в котором лису называли *Эрлэн хаанай нохой* ‘собака Эрлен-хана, владыки подземного мира’. Об этом также свидетельствует общее обозначение лая у этих животных: *хусаан* – ‘лай’.

В бурятской фразеологии закреплены некоторые физические качества лисицы. В частности, имеются фразеологические выражения, которые передают негативные черты, отмечаемые у человека и приписываемые лисе: *Билдагуушалан шарбаганаха* ‘букв. льстить, хвостом виляя, прикидываться лисой, подхалимничать’; *унэгэн мэхэтэй* – ‘хитрый как лиса’; *унэгэн малгай умэдхэхэ* – ‘букв. надеть лисью шапку, говорить комплименты’ [2, с. 345]. Буряты отличали специфику лисьего бега: *унэгэн жороо* ‘плавная (лисья) иноходь’. Ночной образ жизни данного животного закреплён в таких устойчивых выражениях, как: *унэгэнэй харанхы* ‘самая темная пора перед рассветом, лисья темнота’; *унэгэнэй нюдэ залгиха* ‘получночнить, не смыкая глаз’ [2, с. 345; 4, с. 107]. Сметливость этого зверя, спасавшая его от облавы, попала в поговорку: «Имея хорошую гору, лисица (счастлива); имея хорошего тестя, зять (счастлив)» (как пишет Ш.Л. Базаров, «облава на крутых горах затруднительна и лисица ... спасается только на таких горах») [5, с. 33].

В бурятском языке обнаруживается такое половозрастное деление у лисиц: *эмэ унэгэн* ‘лисица, самка’; *эрэ унэгэн* ‘лис’; *унэгэнэй зулзага* ‘букв. лисий детеныш, лисенок’, *хубуун араата* ‘лисий сын, лисенок’ [2, с. 345].

ОБРАЗ ЛИСИЦЫ В МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ БУРЯТ

Лисица в представлениях бурят являлась, в первую очередь, олицетворением хитрости, что было показано выше на примере бурятской лексики и устойчивых фразеологических выражений. Это нашло отражение и в сказках, в них лисице удается легко

обманывать других животных, диких и домашних. Так, в сказке «Лиса, обманувшая смерть» старая лиса, прибегнув к хитрости, добывает себе пищу чужими руками и обеспечивает себе сытое существование [6].

В цикле бурятских сказок об этом животном подчеркиваются и такие его качества, как ум, лживость, пронырливость, жадность, мстительность и др. [Там же]. Эта преимущественно негативная характеристика носит универсальный характер в мифопоэтических представлениях многих народов мира [7, с. 592; 8, р. 143].

В традиционных воззрениях бурят лисица имеет женское начало. Проиллюстрировать это возможно на сказочном фольклоре, в произведениях которого данное животное предстает только в женском образе. Буряты по отношению к лисице использовали соответствующие термины родства, например, ее величали *унэгэн зээхэй* – ‘букв. лисичка-матушка, лисочка-сестричка’.

Это животное наделялось и продуцирующей символикой. Связь с деторождением проявляется, в частности, в колыбельной тункинских бурят, в которой есть такие строчки:

Мальчик, рожденный, чтобы множиться,
Войди в колыбель из гладкого дерева,
Войди под покров из лисьей шкуры.
[9, с. 36].

Эта песня, вероятно, является откликом на призыв благодати для рождения ребенка «Нилхасын далалга» (*нилсагайн далалга* ‘призывание новорожденного’) из буддийской сутры «Сокровенные капли», содержащей следующие слова: «Настоятельно призываю жизненную силу мальчика ..., которому дарят колыбель из цельного дерева, дарят одеяло из лисьей шкуры...» [Там же, с. 41]. Подкрепляет наше предположение последовательное повторение в обоих текстах названий животных, чьим мехом следует укрывать детскую колыбель (рысь, белка, бобр, соболь, ягненок и лисица). В бурятской традиции каждое из этих животных имело сакральные качества, при этом часть из них относилась к категории духов-помощников шамана.

Такое дикое животное связывалось с огненной стихией. Для примера, образ наиболее распространенной в Бурятии рыжей лисицы нашел отражение в загадке: «Как пламя свечи желта, с шестью черными» (как указывает собиратель загадок агинских бурят, у такой лисы имеются черные волоски на ушах и лапах) [10, с. 33]. Как видим, в определенной мере введенная выше символика объясняется рыжей окраской лисьего меха (иногда лисицу называли огневкой за огненно-рыжий окрас).

Лисица ассоциировалась с небесными явлениями, она несла солнечную символику. Известно, что

радугу буряты образно называли *эзы унэгэн шээһэн* – ‘букв. моча самки лисицы’. Как объясняет М.Н. Хангалов, в бурятской мифологии солнце иногда сравнивали с лисицей, и поэтому «идею зависимости радуги от солнца – лисицы буряты выразили, придав радуге характер выделения лисицы, т.е. солнца» [11, с. 322].

Но все же в образе лисицы преобладала хтоническая природа. Как было отмечено, это дикое животное называли собакой мифического повелителя Нижнего мира. По одним представлениям, если на охоте подстрелить лисицу, то за это охотник будет наказан – попадет навечно в подземный мир. В то же время у бурят не воспрещалась добыча лисьего меха, который высоко ценился. Принципиальное значение имел окрас меха животного: редко встречающиеся черно-бурые и огненно-рыжие лисы воспринимались именно как собаки Эрлен-хана [12, с. 69], а убийство обычной рыжей лисицы не влекло за собой мистическую расплату. Традиционное бурятское общество накладывало табу на добычу животных с необычным цветом меха (например, белых волков, считавшихся собаками верховного небожителя). В случае, когда охотник убивал обычную лисицу, он обязательно совершал защитный обряд, направленный на умиротворение души животного, а также мифического хозяина тайги. Надо указать, что буряты верили, что у простых лисиц есть свой небесный покровитель-*тэнгэри* (*тэнгэри* – ‘небожитель’), в буддийской интерпретации его обозначали как *бурхан* ‘общее название персонажей буддизма’ [1, с. 155]. Так, в сказке «Лиса, обманувшая смерть» упоминается лисий бурхан, к которому в трудную минуту за помощью обращается лисица [6, с. 33].

Возвращаясь к охотничьим приметам, следует отметить, что встреча на промысле с лисицей считалась плохой приметой (интересно, что иначе относились, если попадался волк) (ПМА). Подобные воззрения фиксируются и у монголов¹. Такое неприятие лисицы последние объясняют тем, что лиса, рысь и енотовидная собака обладают *хаар муртэй* ‘черным следом’, поэтому, столкнувшись с таким зверем, во избежание беды охотники возвращались домой [13, с. 112]. Буряты тоже остерегались людей и зверей, будто бы имеющих *хара мур* ‘черный след’, присутствие которых навлекало на человека несчастье [14, с. 250].

Признаком принадлежности лисицы к хтоническому миру считалось подземное расположение лисьих нор. Обычно лисья брачная пара или семья поселялась в норе, вырытой в песчаном склоне холма или оврага; каждое такое место обитания имело жилую

¹ Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Общий фонд. Оп. 1. Инв. № 529. Л. 24.

камеру, к которой вели несколько туннелей с отдельным выходом.

Кроме того, в бурятском фольклоре прослеживается идея о лисе как проводнике в потусторонний мир. Например, герою сказки «Му Монто» объясняют дорогу в этот мир следующим образом: «Иди на север. На дороге увидишь большой черный камень. Ты подними его и крикни: «Пойди сюда!». Тогда тебе навстречу выйдет большая лисица и скажет: «Держись за хвост!». Потом иди за ней, куда она тебя поведет, и ты придешь в царство мертвых» [12, с. 311–312]. В традиционном мировоззрении у разных народов лисица рассматривалась как транспортное средство для путешествия в Нижний мир. Так, ульчи верили, что в подземный мир можно попасть «на колонках, белках, **лисицах** (выделено мной. – А.Б.)» [15, с. 267].

В фольклорных текстах бурят черный ворон и желтая лисица часто упоминаются вместе:

Прибыл домой, он видит:
Во дворе растет пырей высокий,
Каркают вороны черные,
Лают желтые лисицы.

[16, с. 120].

Заметим, что в мифологических суждениях бурят черный ворон также наделялся хтоническими свойствами. Поэтому приведенный выше эпический сюжет передает присутствие нечистой силы. Усиливает такое восприятие указание на карканье ворон и лаянье лисиц. Дело в том, что у бурят дурной приметой являлась ситуация, когда лисица лаяла на людей; присутствующие полагали, что тем самым она кличет беду (ПМА). Такое животное старались убить; в определенной степени эта реакция схожа с тем, как поступали буряты с воющей на луну собакой, – ее тоже умерщвляли, так как считалось, что она призывает несчастье.

Причастность лисицы к потустороннему миру обосновывалась еще ее активностью глубокой ночью, когда она обычно выходила на охоту. Как уже отмечалось, хтоническая принадлежность лисы выражалась и в цветовой символике. В связи с этим укажем, что в мифологических представлениях бурят животные, имеющие мех черного или красного окраса, воспринимались как существа, соотносимые с темной стороной неба (с восточными небожителями, будто бы обитающими на «девяти кровавых небесах»), и с Нижним миром. В бурятском фольклоре эпитет *черный* применялся к лисице; в частности, в одной из легенд описывается демоническое создание таким образом: «Лисица “унэгэ”, все черная как сажа, ночью от нее сильный свет» [17, с. 29].

В шаманских обрядах, посвящавшимся темным небожителям и духам-хозяевам, в жертву приносили

животных именно указанных цветов. Во время камлания бурятские шаманы использовали шкурки диких животных, которые выступали в качестве *онгонов* (духов-помощников) и оберегов. Судя по этнографическим материалам, в шаманской обрядности только у части предбайкальских бурят в качестве зооморфного онгона упоминается лисица. В обряде посвящения животного мифическому духу-хозяину р. Лены – Ажирай Бухэ, который считался непобедимым и безжалостным охранником Эрлен хана, фигурирует шкура лисицы [11, с. 359]. В ритуальной практике, связанной с духами-хозяевами, «черными тарсайскими шаманами», почитались онгоны *табан хушуутай* ‘пятеро, имеющие морду’, в число которых наряду с другими животными (хорьком, куницей, горностаем, соболем) входила и лисица [Там же, с. 326].

Вероятно, как отголосок былого локального почитания лисицы у предбайкальских бурят следует рассматривать шаманское призывание Ажирай Бухэ и Харамцай мэргэну, в котором последний называется сыном лисицы:

Хозяин реки Лены –
Сын быка Ажирай силач,
Алмай стремительный.
Сдружившийся друг ваш,
Боевой товарищ ваш –
Сын лисицы (выделено мной. – А. Б.)
Харамцай меткий (мэргэн).

[18, с. 276].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ лисицы является полисемантическим в мифологических воззрениях бурят. Данное животное несет женскую, продуцирующую, огненную и солярную символику. Однако, как показало данное исследование, все же превалирует его отрицательная характеристика. По традиционным представлениям бурят, лисица имеет хтонические черты, в частности, выполняет функцию проводника в Нижний мир. Поэтому она была включена в шаманские обряды в качестве духа-помощника и атрибута черного шамана. Ряд народных представлений бурят о лисице находит определенную аналогию в воззрениях других народов (прежде всего монголов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буряад-ород толи*. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. I: А–Н. 636 с.
2. *Буряад-ород толи*. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. II: О–Я. 708 с.
3. *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / изд. А.Х. Элерт, В. Хинтше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
4. *Бертагаев Т.А.* Об устойчивых фразеологических выражениях (на материалах современного бурят-монгольского языка) //

Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бур.-монг. кн. изд-во, 1949. С. 64–119.

5. Базаров Ш.Л. Пословицы агинских бурят // Тр. Троицко-савско-Кяхтинского отд-ния Приамур. отд. Имп. Русск. геогр. о-ва. 1903. Т. 6, вып. 1. С. 21–39.

6. Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров, Б.-Х.Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, 2000. 304 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 20).

7. Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.

8. Nanditha Krishna. Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Books India, 2010. 274 p.

9. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во Бур. науч. центра СО РАН, 1995. 155 с.

10. Базаров Ш.Л. Двести загадок агинских бурят // Тр. Троицко-савско-Кяхтинского отд-ния Приамур. отд. Имп. Русск. геогр. о-ва. 1902. Т. 5, вып. 1. С. 22–34.

11. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.

12. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.

13. Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С.Б. Миягашева, Ж.Б. Бадагаров. Улан-Удэ: Изд-во Бур. науч. центра СО РАН, 2012. 196 с.

14. Гомбоев Г. О древнемонгольских обычаях, описанных у Плано Карпини // Тр. Вост. отд-ния Имп. Русск. археол. о-ва. 1859. Ч. 4, вып. 1. С. 236–256.

15. Бурякин А.А. Вера в духов. Сколько душ у человека. СПб: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. 320 с.

16. Шаракишинова Н.О. Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бур. науч. центра СО РАН, 2000. 153 с.

17. Смолев Я.С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. 58 с.

18. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят / отв. ред. А.И. Уланов. Изд. 2-е. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2009. Ч. I. 376 с.

REFERENCES

1. Cheremisov K.M., Shagdarov L.D. (comps.) Buryaad-oroḍ toli. Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, Republic Tipography, 2010, vol. 1, 636 p. (In Buryat, Russ.)

2. Cheremisov K.M., Shagdarov L.D. (comps.) Buryaad-oroḍ toli. Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, Rep. tip., 2010, vol. 2, 708 p. (In Buryat, Russ.)

3. Miller G.F. Description of the Siberian peoples. Moscow, 2009, 456 p. (In Russ.)

4. Bertagaev T.A. Steady phraseological expressions (on the materials of the modern Buryat-Mongolian language). *Sbornik trudov po filologii*. Ulan-Ude, 1949, pp. 64–119. (In Buryat Russ.)

5. Bazarov Sh.L. Proverbs of the Agin Buryats. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1903, vol. 6, no. 1, pp. 21–39. (In Russ.)

6. Barannikova E.V., Bardakhanova S.S., Gungarov V.Sh., Tsybikova B.-Kh.B. (comps.) Buryat folk tales: about animals. Household goods. Novosibirsk, Nauka, 2000, 304 p. (Folklore monuments of Siberian and Far Eastern peoples; vol. 20). (In Buryat, Russ.)

7. Tokarev S.A. (ed.) Myths of the peoples of the world. Moscow, Soviet encycl., 1980, 1147 p. (In Russ.)

8. Nanditha Krishna. Sacred animals of India. New Delhi, Penguin Books, 2010, 274 p.

9. Natsov G.-D. Materials on the Buryat history and culture. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 1995, 155 p. (In Russ.)

10. Bazarov Sh.L. Two hundred mysteries of Agin Buryats. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1902, vol. 5, no. 1, pp. 22–34. (In Russ.)

11. Khangalov M.N. The collected works. Vol. 1. Ulan-Ude, Buryat book, 1958, 551 p. (In Russ.)

12. Khangalov M.N. The collected works. Vol. 3. Ulan-Ude, Buryat book, 1960, 421 p. (In Russ.)

13. Erdenebold L. Traditional beliefs of the Oirat Mongols (the late XIX – early XX centuries). Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 2012, 196 p. (In Russ.)

14. Gomboev G. On the ancient Mongol customs described by Plano Carpini. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*, 1859, pt. 4, no. 1, pp. 236–256. (In Russ.)

15. Burykin A.A. Belief in spirits. How many souls has a person. Saint Petersburg, Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007, 320 p. (In Russ.)

16. Sharakshinova N.O. The Uligers of Buryats. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2000, 153 p. (In Buryat, Russ.)

17. Smolev Ya.S. Three Tabangut kinds of Selenghin Buryats: an ethnographic essay. Moscow, T-vo tip. A.I. Mamontova, 1900, 58 p. (In Russ.)

18. Baldaev S.P. Ancestral traditions and legends of Buryat. 2nd ed. Ulan-Ude, Buryat State Univ., 2009, pt. 1, 376 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.02.2021

Дата рецензирования 24.02.2021

Статья принята к публикации 31.03.2021